

Часть IV

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ — ПРОСВЕТИТЕЛЬ И ПЕДАГОГ

4.1. РУССКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ*

Просветитель — важная ипостась деятельности русского ученого, еще одна сторона этой поистине универсальной личности. В просветительской деятельности Лихачева получила выражение настоятельная потребность активно влиять на процессы современной ему культуры, нравственный уровень общества. Просветительная направленность в творчестве Дмитрия Сергеевича оказалась столь сильна, что просматривается даже в самом понимании Лихачевым науки, ее целей и задач. Труды академика воплощают его убеждение в том, что наука и культура должны быть органичной частью жизни общества, определять его сознание, служить гуманистическим идеалам. Просветительская деятельность ученого отражает его веру в существование особой миссии российской интеллигенции, русской культуры в целом. **Академик Лихачев — наследник и продолжатель традиций русского просветительства. Вместе с тем в его деятельности явно воплощены идеи и принципы Просвещения европейского.**

Обращение к просветительским идеям, получившим выражение в трудах и выступлениях Д. С. Лихачева, показывает, что ученый, по существу, открывает новый этап этого вида деятельности — **просветительство эпохи глобальной культуры. Им создается новый синтетический блок научных оснований, объединяющий разные по исторической и культурной принадлежности идеи, и новый тип методик, интегрирующих рационализм европейской просветительской школы и яркую нравственную ориентацию отечественного просветительства.**

Анализ библиографии трудов Д. С. Лихачева показывает удивительную интенсивность, масштабность его просветительской деятельности и позволяет выявить специфику ее направленности. Здесь и сугубо исследовательские работы, и научно-популярные статьи, и публицистические очерки, и публичные выступления, и интервью. В публикациях ученого утверждается значимость, непреходящая историческая и духовная ценность древнерусского культурного наследия, отстаивается необходимость сохранения памятников истории и архитектуры, развития «малых городов», ведется проповедь добра...¹

* Раздел написан в соавторстве с доцентом СПбГУП А. В. Карповым.

¹ См. например: Я вспоминаю... М.: Прогресс, 1991; Русское искусство от древности до авангарда. М.: Искусство, 1992; *Лихачев Д. С. Письма о добром*. СПб.: Русско-Балтийский инф. центр БЛИЦ, 1999 и др.

О просветительской работе Д. С. Лихачева немало писали коллеги ученого по Пушкинскому Дому¹. Ее фактология была затронута в материале С. О. Шмидта «Д. С. Лихачев и практика сохранения историко-культурного наследия России»². Эти публикации, как и другие многочисленные заметки мемуарного характера, могут быть материалом для научного осмысления. Едва ли не единственной попыткой научного анализа данного аспекта деятельности Дмитрия Сергеевича до сих пор остается доклад профессора СПбГУП Г. М. Бирженюка на II Международных Лихачевских научных чтениях «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева», в котором впервые была предпринята попытка сформулировать основные направления просветительской деятельности Дмитрия Сергеевича в соотношении ее с философией и мировоззрением европейского и русского Просвещения³. Однако этим аспектом суть феномена лихачевского просветительства, разумеется, не исчерпывается.

Прежде всего, следует отметить, что **термин «просвещение» в современном русском языке может означать два разных понятия: вид человеческой деятельности (просветительство) и конкретную эпоху европейской истории (Просвещение).**

Просветительство как деятельность было свойственно различным периодам истории культуры, различным эпохам⁴. Основное назначение

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. СПб.: Logos, 2006.

² Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: матер. науч. сессии Отделения историко-филологических наук РАН. Москва, 20 декабря 2006 г. / отв. ред. А. П. Деревянко. М.: УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2006. С. 10–25.

³ Бирженюк Г. М. Д. С. Лихачев как просветитель // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: II Международные Лихачевские научные чтения, 23–24 мая 2002 г. / СПбГУП. СПб., 2003. С. 23–27.

⁴ См. например: Полетаева Л. Г. Литературно-просветительская деятельность декабристов в Забайкалье. Чита: Читинский гос. ун-т, 2006; Софронов В. Ю. Три века сибирского миссионерства. Тобольск: Тобольский гос. пед. ин-т, 2005. Ч. 3: Духовно-просветительская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири (конец XVII — начало XX в.); Шукин Д. С. Государственная и просветительская деятельность Николая Петровича Румянцева конца XVIII — первой четверти XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. Саранск, 2005; Ткалич А. И. Просветительская деятельность Русской православной церкви на Крайнем Северо-Востоке в досоветский период: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Моск. гос. ун-т культуры. М., 1999; Софронова Л. В. Просветительская деятельность Джона Колета и его роль в гуманистическом движении Англии накануне реформации (конец XV — начало XVI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. пед. ун-т. М., 1992; Суховерхов В. В. Г. М. де Ховельянос как просветитель: Из истории испанской про-

просветительства, главная его функция — распространение опыта и знаний. О просветительстве говорят, характеризуя культурно-познавательную и научно-образовательную активность государства и его институтов, общественных движений и групп, отдельных личностей просветителей. Именно в этом смысле мы можем говорить, к примеру, о деятельности Русской православной церкви, революционно-демократических кружков второй половины XIX века, просветительных обществ в России начала XX века и т. д.

В свою очередь, просветительство имеет две разновидности. Первая представляет собой **научно-популярное просветительство**, передачу знаний о достижениях науки и техники, о сущности философско-мировоззренческих учений, адаптированных к тому, что принято называть «средним уровнем образованности» человека и т. д. По существу, речь идет о демократизации знаний. Вторая разновидность — это **просветительство духовно-нравственного характера**, целью которого является духовное преобразование личности сообразно определенному нравственному идеалу.

В ином (нежели деятельность) значении Просвещение — это конкретный этап европейской культурной истории XVIII века, характеризующийся рядом особенностей: энциклопедизм, антропоцентризм, просветительский рационализм, антиметафизичность, общечеловечность и т. д.¹ Общим местом сегодня стало понимание Просвещения как рационалистического по сути типа культуры. Известно, что исторической миссией Просвещения было утверждение определяющей роли Разума, противопоставленного религиозному культу. Просвещение как истори-

светительской и либеральной мысли второй половины XVIII — начала XIX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / МГУ. М., 2002; *Луценко А. В.* Александр Богданов как политик, ученый, просветитель, основоположник методологии системного анализа: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Томский гос. пед. ун-т. Томск, 2000; *Некрасов С. М.* Апостол добра. Повествование о Н. И. Новикове. М.: Русский путь, 1994 и др.

¹ См. например: *Длугач Т. Б.* Философия французского Просвещения XVIII века // История философии: Запад–Россия–Восток. М.: Ин-т философии РАН, 1996. Кн. 2; *Моряков В. И.* Русское просветительство второй половины XVIII века. (Из истории общественно-политической мысли России). М.: Наука, 1994; *Лабутина Т. Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения / Ин-т всеобщей истории РАН. М.: Наука, 2005; *Европейское Просвещение и цивилизация России* / отв. ред.: С. Я. Карп, С. А. Мезин. М.: Наука, 2004; *Человек эпохи Просвещения* / отв. ред. Г. С. Кучеренко. М.: Наука, 1999; *Мигунов А. Н.* Феномен русского Просвещения. СПб.: Изд-во Смольного университета, 1999; *Каган М. С.* Введение в историю мировой культуры. СПб.: Петрополис, 2003. Кн. 2; *Якимович А.* Новое время. Искусство и культура XVII–XVIII веков. СПб.: Азбука-классика, 2004.

ческая эпоха отличается активностью, критическим отношением к действительности в сочетании с наличием позитивной программы переустройства, совершенствования мира на основе Разума. Это порождает философию и дидактизм культуры данной эпохи.

Несмотря на различие понятий эпохи Просвещения и просветительской деятельности, они взаимообусловлены, что обстоятельно исследовано В. Ф. Пустарнаковым¹. Для эпохи Просвещения характерно идеализированное мировоззрение, сочетающее утопические представления и яркие реалистические идеи. С точки зрения упомянутого ученого, существенной чертой философии классического Просвещения является **придаток ценностного над познавательным**. Характерно, что предтеча Просвещения, ренессансный гуманист Петрарка руководствовался максимой: «Лучше хотеть добра, чем знать истину», согласно которой знания должны быть не просто связаны с моралью, но подчинены ей². Аналогичных взглядов придерживались и мыслители эпохи Просвещения. К примеру, у Вольтера есть тезис: «Добродетель ценнее знаний»³. Иными словами, вознося роль науки, знания, образованности, идеологи Просвещения все же считали необходимым ставить их под контроль морали, в контекст ценностных иерархий, сообразно своим представлениям о высших целях человека и общества.

Науку, знание, образование мыслители эпохи Просвещения ценили не самих по себе, а лишь постольку, поскольку наука, знание, образование в конечном счете оказывались полезны человеку, могли служить его счастью. **Высшим ценностным критерием для Просвещения стал человек**, его природа, благо, счастье. Исходная и главная аксиологическая установка мировоззрения этой эпохи — антропоцентризм; в это время главной составной частью просветительской доктрины становится антропология — учение о человеке. Философия Просвещения проявляет антиметафизичность и практическую направленность, будучи неразрывно связана с моралью, политикой, юриспруденцией, с практикой общественной жизни. Фундаментальными категориями просветительской идеологии становятся свобода и равенство⁴.

Деятели эпохи Просвещения намеревались «открыть человечеству дорогу к лучшему будущему, построить разумное общество на основах добра и справедливости»⁵. Однако им было суждено сыграть несколько

¹ Пустарнаков В. Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа / Ин-т философии РАН. М., 2001.

² Петрарка Ф. Письма / пер. с лат. В. В. Библихина. СПб.: Наука, 2004.

³ Вольтер. Бог и люди. М., 1961. Т. 2. С. 39.

⁴ См.: Пустарнаков В. Ф. Указ. соч. С. 46–142.

⁵ Строев А. Те, кто поправляет Фортуна: авантюристы Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 5.

иную роль в истории культуры, ибо «чем логичней стремились быть писатели и философы, тем иррациональней становилась жизнь, творчество, теории»¹.

Состоялась ли эпоха Просвещения в России и наследовал ли ей Дмитрий Лихачев? В. Ф. Пустарнаков отвечает на этот вопрос положительно и обосновывает как время русского Просвещения период 1840–1860-х годов, наиболее точно соответствующий классической французской модели, хотя предыстория русского Просвещения началась на рубеже XVII–XVIII века. Тогда в России появились первые буржуазные идеи, сходные с ренессансно-гуманистическими концепциями общественной мысли Франции: естественным правом, общественным договором, просвещенным абсолютизмом, а также идеи в духе классической философской рационалистической метафизики XVII века. Непосредственным прологом русского Просвещения можно считать вторую половину XVIII века, когда в Россию «стали проникать сочинения и идеи классиков западноевропейского Просвещения Локка, Вольтера, Монтескье, Гельвеция, Гольбаха, Дидро, Руссо и других, оказавших в той или иной степени влияние на все основные течения тогдашней русской мысли вплоть до официальной идеологии самодержавия (Екатерина II)»².

Наиболее яркой фигурой отечественного Просвещения считается А. И. Герцен, который к 1848 году типологически был уже настоящим русским просветителем. Преодолев изначальную двойственность своих устремлений к «дневному свету» разума и к «лунному свету мистического откровения»³, то есть противоречие рационалистически-просветительского и религиозно-романтического начал, Герцен переходит в конце 1830-х годов на «западнические» позиции, а точнее — на позиции Просвещения. Типичный для Просвещения лозунг «Да здравствует разум!», установка на то, чтобы все понять, все осмыслить «через горнило сознания», стали основой его деятельности. Особенно отчетливо соответствующие воззрения А. И. Герцена проявились в его трактовках таких проблем, как великое единство развития рода человеческого; Восток–Азия–Запад, Европа–Россия; личность как вершина исторического мира, разумный эгоизм. В эти годы Герцен активно использует типичную для Просвещения терминологию: «естественное»–«неестественное», «искусственное» и т. д.

Однако существенно ранее западно ориентированного российского просветительства, а затем параллельно ему развивается глубоко отечественная традиция, связанная прежде всего с проповеднической деятельностью.

¹ Строев А. Указ. соч. С. 5.

² Пустарнаков В. Ф. Указ. соч. С. 143–144.

³ Цит. по кн.: Там же. С. 201.

Первым в ряду деятелей этого направления следует назвать преподающего Сергия Радонежского. Как отмечал Д. С. Лихачев: «Горнего града гражданин и вышнего Иерусалима житель» Сергий Радонежский постоянно вмешивается в политическую жизнь Руси. Сергий пользуется своим нравственным авторитетом для поддержки московского великого князя. По одному его слову, чтобы оказать давление на нижегородцев, затворяют все церкви в Нижнем Новгороде. Он подчиняет политике Москвы Рязанское княжество. Он благословляет Дмитрия Донского на борьбу с Ордой за независимость Руси»¹.

Сергий Радонежский — крупная духовная фигура отечественной истории. Именно игумену Радонежскому принадлежит утверждение на Руси новой идеи личности, отражающей гуманистический дух русского Предвозрождения, которое было столь непохоже на западное, хотя во многом с ним и перекликалось. **Главный смысл этой новой идеи личности заключался в обожествлении человека и мира, в возвышении человека, в признании его духовного величия.** Так воплотилась глубокая вера в неиссякаемые возможности человека, выраженная в стилистике мышления того времени. Духовная деятельность Сергия Радонежского в этом направлении сформировала целую эпоху отечественной культуры. Как писал известный русский философ Г. П. Федотов: «От мистики до политики огромный шаг, но преп. Сергий сделал его, как сделал шаг от отшельничества к общежитию, отдавая свое духовное благо для братьев своих, для русской земли. <...> Преп. Сергий <...> представляется нам гармоническим выразителем русского идеала святости, несмотря на заострение обоих полярных концов ее: мистического и политического. Мистик и политик, отшельник и киновит совместились в его благодатной полноте»². В лице Сергия российская культура получила **тип просветителя-проповедника духовного служения**, основу которого составили идеи любви к ближнему, милосердия, терпимости, мирскости и соборности, уважения к светской и религиозной власти и т. п.

Другим примером русского просветителя-проповедника можно назвать митрополита Антония Сурожского — одного из замечательных мыслителей современности. Будучи экзархом Московского Патриарха для Западной Европы, он являлся совершенно русским человеком по интересам и стилю мышления. Его труды объединены темой духовного

¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 101.

² Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 151–152.

бытия человека, его веры и призвания. Рассматривая философско-нравственные проблемы жизни и творчества, размышляя о наиболее сложных вопросах духовности в наше время, этот церковный деятель привнес в постиндустриальную эпоху новое, свежее миропонимание, широтой своей объемлющее множество аспектов современной жизни и приводящее их к гармонии. Не имея богословского образования, он стал одним из наиболее авторитетных православных мыслителей мира, почетным доктором двух университетов и двух православных духовных академий¹.

Отечественная история свидетельствует, что **русских просветителей объединяли прежде всего энциклопедическая образованность, стремление создать целостный образ современного им мира, наиболее просто и ясно обрисовать своей аудитории открывающиеся перед человеком пути возвращения в себе Человеческого начала, пути к свету знания.** Подобная миссия не могла быть реализована на основе узкопрофессионального знания. Она требовала синтетичности, обращения ко многим областям знаний, объединяемого одной центральной идеей.

Отечественное просветительство — это просветительство прежде всего экзистенциальное, человеческое. Оно предполагает доверительность беседы, прямое общение личностей. Важная его грань — передача нравственного опыта от человека к человеку, соотнесение его с важнейшими реалиями современной жизни. Это — мужество, свобода, корректная критичность в отношении к современной культуре, политике, образу жизни, интерес к передовым тенденциям развития научного знания. Русский просветитель несет умение актуализовать важную идею, используя широкий пласт исторического материала, опираясь на богатейший опыт предшественников.

Именно таким просветителем и был Дмитрий Сергеевич Лихачев. Он обладал глубоким знанием русской литературы и русской культуры в целом, что позволяло ему выявлять национально значимые идеи и традиции, ценности и представления, сопоставлять и анализировать их. Такой опыт формировал «исторически поставленное» зрение, открывал возможность увидеть и выявить наиболее продуктивные и прогрессивные идеи для нашей современности и найти им актуальную форму.

Историк А. Зимин пишет, что «в своей культурно-цивилизационной истории **русский мир освоил опыт по крайней мере двух типов просвещения.** Первый из них, следуя традиции, можно и должно называть *религиозным*. Второй — *светским*, научно-философским. Оба типа,

¹ *Епископ Керченский Иларион (Алфеев)*. Богословие митрополита Суражского Антония в свете святоотеческого Предания [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.metroplit-anthony.orc.ru/trudy/03.htm>. Загл. с экрана.

как правило, сопутствовали, обогащая, друг другу, но были в отечественной истории и периоды, когда светское просвещение практически растворялось в или, наоборот, радикально стремилось к секуляризации»¹.

Примеры Сергия Радонежского и Антония Сурожского показывают, что просветительская деятельность на Руси нередко обретала **проповеднический** характер. Проповедь — **прямое обращение к сердцу слушателей, несущее в себе веру**, стремление не столько обогатить их новыми знаниями и фактами, сколько передать им определенные идеи, настроения, внушить убеждения, способные стать их нравственной «собственностью», направлять душевные устремления к Добру. Проповедь — это откровение авторитетной личности, порожденное ее стремлением указать собеседнику путь личного совершенствования и обретения верной жизненной позиции в сложных обстоятельствах. Проповедническая деятельность — это творчество, целью которого является более гармоничное устройство внутренней жизни слушателя, обретение им подлинной связи с обществом, поддержка человека в его наиболее возвышенных устремлениях.

В советский период по мере формализации культурной жизни общества данная традиция была во многом утеряна. Даже на центральном телевидении стали редкостью просто хорошие рассказчики, не говоря уже о проповедниках. Выступления мастеров живого слова уровня Ираклия Андроникова представляли собой исключение из правила. Лихачев вернул русскому просветительству эмоциональность и убедительность проповеди, доверие к Слову, основательно подорванное в предшествующие десятилетия бюрократившимися идеологическими структурами, официозной газетно-журнальной пропагандой, зачитывающими свои выступления по бумажке «вождями» и «лекторами» разного толка. Д. С. Лихачев вернул просветительству реальную силу, воздействующую на умы и души сограждан. Мировую славу и известность Дмитрия Сергеевича составили не только научная деятельность и защита памятников истории и культуры, но и «этическая проповедь в средствах массовой информации, принесшая ему доверие, популярность и авторитет»².

По всей видимости, Д. С. Лихачеву довелось стать просветителем особого типа — просветителем-проповедником. И в этом (наряду с масштабностью фигуры) — особенность лихачевского просветительства. С одной стороны, авторитет Дмитрия Сергеевича в обществе основывался на общеизвестном статусе ученого и интуитивно ощуща-

¹ *Зимин А.* О двух типах просвещения на Руси // Высшее образование в России. 1997. № 2. С. 86.

² *Соколов А. В.* Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб.: СПбГУП, 2007. С. 324.

емой народом его принадлежности к великой российской культуре. Он выступал как бы от имени Культуры и Знания. Академик воплощал собой европейскую линию национального просветительства, органично вбирающую в себя антропоцентричность, энциклопедичность, интеллектуальную независимость. С другой — лихачевские тексты и выступления стали воплощением Веры, оказались неразрывно связаны с духовно-творческой традицией русского просветительства, которая по сути, а нередко и по форме была проповеднической деятельностью. Таким образом, в просветительской деятельности Дмитрия Сергеевича знание не только сочеталось с четким этическим и нравственным самоопределением, но и усиливалось убежденностью, верой в исповедуемые ценности и идеалы.

В связи с этим нельзя не упомянуть интересный и до сих пор не объяснимый эпизод из биографии Д. С. Лихачева. К его 90-летию Д. М. Буланин, один из бывших сослуживцев, к тому же считавший себя чуть ли не его учеником, опубликовал статью, в которой назвал академика наставником, учителем жизни¹, проповедником². Казалось, автор этого текста считал свой труд комплиментарным. Лихачев же возразил Буланину, причем весьма жестко. Выяснилось, что сам Дмитрий Сергеевич категорически протестует против такого понимания его деятельности: «Все мои статьи имеют не “проповедническую” цель, а являются определенными *поступками* в борьбе за сохранение культуры...»³

Еще ранее Д. С. Лихачев писал: «Я ведь не пророк и не проповедник, хотя убеждать и призывать в последние годы приходится часто»⁴. Таким образом, позицию академика можно считать принципиальной. Его возражения Д. М. Буланину заключались в противопоставлении проповеди и действия, поступка. Однако из работ Дмитрия Сергеевича вытекало, что в ряде случаев слово тоже может являться делом, поступком. И если Д. М. Буланин высказывался о проповеди как о бесполезном деле («Я не собираюсь обсуждать относительные достоинства нравственного учения Лихачева, и тем более эффективность его проповеди. Последнее вообще бесполезное дело: удивительное нежелание человечества перевоспитываться не остановило еще ни одного проповедника»⁵), то это никого не обязывало с ним соглашаться. Тем более что от-

¹ Буланин Д. М. Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 20.

² Там же. С. 20–22.

³ По поводу статьи Д. М. Буланина о Д. С. Лихачеве («Русская литература». 1997. № 1) // Звезда. 1998. № 3. С. 237; Лихачев Д. С. Проповедь или поступок? Ответ на юбилейное послание Д. М. Буланина // Русская литература. 1998. № 2. С. 212–213.

⁴ Лихачев Д. С. Я вспоминаю. М.: Прогресс, 1991. С. 143.

⁵ Буланин Д. М. Указ. соч. С. 21.

кровенно иронизирующий в данных строках Буланин противоречил своим же тезисам из другой части этой работы. Однако поскольку иных объяснений Д. С. Лихачев нам не оставил, его мнение по данному вопросу приходится отнести к числу пока непонятых.

Видимо, негативную реакцию академика вызвал не столько текст Д. М. Буланина (хотя и текст этот при внимательном прочтении выглядит, возможно, недопустимо неуважительным), сколько подтекст либо контекст дискуссии, лежащий, разумеется, вне статьи.

Между тем понятие «проповедник» никогда не несло в русском языке сколь-нибудь негативного оттенка и не вступает по смыслу в противоречие с широко известными проявлениями духовных и практических устремлений Д. С. Лихачева, глубинной сутью его обращений к обществу. «Проповедовать — говорить всенародно, возвещать, провозглашать; поучать, взывать к слушателям речью, убеждая и наставляя»¹, — так зафиксировано в словаре Владимира Даля. Проповедь, издавна понимаемая как жанр церковного ораторского искусства, часто трактуется сегодня вполне в светском духе, как этическая устремленность, как духовное поучение, как экзистенциальная категория.

В проповеди принято выделять несколько аспектов. Во-первых, глоссолалию — то есть способность знать и говорить то, что неведомо другим; во-вторых, пророческий аспект — то есть пророчество, предсказание о будущем; и, в-третьих, аспект дидактический, связанный с духовным поучением². Заметим, что Дмитрий Сергеевич, безусловно, был в ряде отношений уникальным носителем знания. В первую очередь знания о России, ее истории и культуре. Кроме того, просветительство Лихачева сближается с проповедничеством и своим стремлением к наставлению современников в русле приобщения к миру исторических традиций и гуманистических идеалов. Ведь смысл проповеди — прежде всего в утверждении нравственного начала в человеке.

Особенность лихачевского просветительства заключается в том, что нравственная составляющая является, во-первых, одним из ключевых аспектов анализа истории русской культуры, литературы, искусства; во-вторых, выступает как императив его общественно-просветительных устремлений. И в этом аспекте его просветительство приобретает характер проповедничества, утверждения в форме проповеди гуманистических ценностей культуры.

Нравственная ценность явлений культуры — один из ведущих критериев просветительской методологии Лихачева. Апеллируя в первую

¹ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/search.xml?text=enc_abc&enc_abc=*&how=enc_abc_rev&encpage=dal. Загл. с экрана.

² Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: ИНИОН РАН, Интелвак, 2001, стб. 822.

очередь к памятникам культуры, произведениям искусства, Дмитрий Сергеевич подчеркивал определяющую роль их нравственного содержания. «Благодаря нравственному началу, которое заключено в древней русской литературе, — пишет академик, — ее значение чрезвычайно велико именно сейчас. Любовь к родине, патриотизм также воспитывается на этом “укорочении расстояний”, на представлениях о конкретных живых людях, конкретном родном пейзаже, близком ощущении прошлого как своего прошлого, своей старины»¹. «Нравственная требовательность», как называет это свойство Д. С. Лихачев, литературы Древней Руси изумительна².

По мнению Дмитрия Сергеевича, «ценности русской литературы своеобразны в том отношении, что их художественная сила лежит в тесной связи ее с нравственными ценностями. Русская литература — совесть русского народа. Она носит при этом открытый характер по отношению к другим литературам человечества. Она теснейшим образом связана с жизнью, действительностью, сознанием ценности человека самого по себе, русская литература (проза, поэзия, драматургия) — это и русская философия, и русская особенность творческого самовыражения, и русская всечеловечность»³. Предназначение литературы выражается в способности быть внутренне-созидательным началом создания духовного мира человека, началом, к которому «мы всегда можем обратиться за духовной помощью»⁴.

Свои нравственно-просветительские идеи Дмитрий Сергеевич реализовывал на практике, в первую очередь, в соответствующих **издательских проектах**. В 1969 году вышел том в книжной серии «Библиотека всемирной литературы», посвященный древнерусской литературе «Изборник»⁵. Интересная новация этого издания заключалась в том, что, как пишет сотрудник ИРЛИ Н. В. Поньрко, в «нем впервые было предложено издавать тексты билингвой, когда на левых нечетных страницах издания вы читали оригинальный древнерусский текст, а на правых — его перевод на современный русский язык. Это была первая ласточка,

¹ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 190.

² Лихачев Д. С. Вечно живая классика // Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 2001. С. 317.

³ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 205.

⁴ Там же.

⁵ Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси. М.: Худож. лит., 1969. (Б-ка всемирной литературы. Сер. первая; Т. 15).

которая определила судьбу последующих изданий»¹. В этом примере хорошо просматривается постоянное стремление Лихачева сделать памятники культуры, результаты научных исследований, да и просто важные идеи максимально доступными широкой аудитории.

Популяризацию же древнерусского литературного и культурного наследия он считал делом своей личной, персональной ответственности. В одном только 1986 году вышло 8 различных изданий «Слова...», подготовленных при участии (перевод, редактирование, вступительные статьи) Дмитрия Сергеевича, и несколько статей об этом выдающемся произведении древности самого Лихачева. Великая заслуга академика перед Россией заключается не только в том, что он поднял на следующую ступень развития академическую научную школу медиевистики, но и в предании древнерусскому литературному наследию новой жизни в сознании современных ему поколений соотечественников. Во многом благодаря Лихачеву страна переосмыслила, иначе осознала ценность и величие своих древних культурных корней. Его переводы и комментарии к произведениям древнерусской литературы («Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Поучение Владимира Мономаха» и многие другие) приблизили к нам далекий мир древности, ввели читателя в пространство чувствований и переживаний средневекового русича.

В конце 1970-х годов Дмитрий Сергеевич предложил издавать книжную серию «Памятники литературы Древней Руси». Всего было задумано 12 томов, и последний из них вышел в 1994 году. Эта серия была удостоена Государственной премии. А Лихачевым был предложен уже 20-томный проект «Библиотеки литературы Древней Руси», который, по словам Н. В. Поньрко, мыслился как книжная серия «для всех россиян как для научного сообщества, и любой исследователь может сослаться на это издание, имеющее также научный комментарий. Но это издание рассчитано и на людей, не связанных с наукой, именно для них и существует перевод на современный русский язык. <...> Дмитрий Сергеевич надеялся, что эта серия будет еще и обучать читателя, который не в состоянии обойтись без правой страницы с переводом. Читатель, в котором еще существует генетическое ощущение языка, при подсказке этих правых страниц очень легко начинает понимать древнерусскую речь, сопоставляя тексты, оригинал и его перевод. И эта подсказка воспитывает ощущение человека в истории и возможность восприятия этих произведений совершенно на другом уровне»².

¹ Поньрко Н. В. Д. С. Лихачев — научный вдохновитель и издатель книжной серии «Библиотека литературы Древней Руси» // Образование в процессе гуманизации современного мира: IV Международные Лихачевские научные чтения, 20–21 мая 2004 г. / СПбГУП. СПб., 2004. С. 20.

² Там же.

Представляется немаловажным **обратиться к пониманию Лихачевым особенностей развития национальных образовательно-просветительских традиций в России.** Размышляя над проблемами развития страны, ученый отмечает, что при несомненном подъеме искусства, архитектуры, фольклора Русь до XIX века явно отставала от западных стран в сфере науки и философии, «в западном смысле этого слова»¹. Причину тому ученый видит в слишком долгом «отсутствии на Руси университетов и вообще высшего школьного образования»². Отсюда, по Лихачеву, и «многие отрицательные явления в русской жизни. Созданный в XIX и XX веках университетски образованный слой общества оказался слишком тонким. К тому же этот университетски образованный слой не сумел возбудить к себе необходимого уважения. Пронизавшее русское общество народничество, преклонение перед народом, способствовало падению авторитета. Народ, принадлежавший к иному типу культуры, увидел в университетской интеллигенции что-то ложное, нечто себе чужое и даже враждебное»³.

Ученый раскрывает здесь важный в просветительском контексте аспект — противоречие между наукой как формой отвлеченного знания, как видом деятельности, требующей образованности, критичности, независимости, в конечном счете, индивидуальности (вспомним его понимание интеллигентности) и живым обыденным знанием, бытующим в народных массах. Трудности демократизации науки, распространения знаний в обществе мучительно переживались классической русской интеллигенцией рубежа XIX–XX веков. Заботясь о просвещении масс, интеллигенция стремилась распространять научные знания в обществе таким образом, чтобы ясность и доступность изложения приводили к глубине и точности постижения, но результаты не всегда обнадеживали.

Сам Д. С. Лихачев способ снятия этого противоречия видел в **синтезе научных и просветительских начал**, когда знание выступает одновременно и как результат научных исканий Истины, и как потребность донести ее до массового сознания. Характерно, что его «Текстология»⁴ была издана в начале 1960-х годов в двух вариантах: фундаментальной монографии для специалистов и научно-популярного очерка. Другой фундаментальный научный труд Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы», опубликованный в 1967 году⁵, «стали читать все

¹ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 206.

² Там же.

³ Там же. С. 206–207.

⁴ Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962; Текстология: краткий очерк. М.; Л.: Наука, 1964.

⁵ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967.

интеллектуальные люди нашего времени»¹. Н. В. Поньрко отмечает, что это «был своего рода интеллектуальный бестселлер. Ее цитировали, потому что этот академический труд был написан прекрасным языком и с точки зрения человека, глядящего из современности в прошлое»².

Манера письма, стиль в немалой степени способствовали популяризации идей Дмитрия Сергеевича. Об этом хорошо пишет А. А. Гусейнов в комментариях к избранным трудам Д. С. Лихачева по русской и мировой культуре: «ясность языка, еще больше свободная, эссеистская манера рассуждения. Автор часто апеллирует к личным наблюдениям, к конкретным узнаваемым фактам и произведениям, непременно переходит от предмета к предмету; он пишет так, будто ведет необязательную беседу. Вся эта мозаика на первый взгляд случайных фактов, воспоминаний, ассоциаций складывается в стройную картину, организованную вокруг определенной идеи, в результате чего последняя предстает не в голом виде последовательного логического рассуждения, а в качестве одухотворяющей основы самой жизни. И все-таки особая привлекательность и злободневность текстов заключена не в их эстетическом строе, не в стиле и манере, а в содержании идей. Лихачев говорит вещи, которые не могут не волновать думающего человека, интересующегося русской культурой. И говорит так, словно хочет прояснить читателю то, что тот сам смутно чувствует. И задача читателя в этом случае скорее распознать истину, чем узнать ее»³.

Характерно, что **труды Д. С. Лихачева, посвященные русскому языку, включают не только лингвистический, но и просветительский аспект**. Известна активность академика, с которой он страстно выступал в защиту чистоты русского языка, разъясняя своим читателям языковые нормы, объясняя происхождение слов и их первоначальные значения, помогая понять важность правильной речи и литературного письма. Язык, по Лихачеву, — это «самая большая ценность народа <...> Это надо понять досконально, во всей многозначности и многозначительности этого факта»⁴. Тысячелетняя история литературы и письменности превращает языковую память в мощную нравственную и просветительскую силу. Однако выразительный потенциал языка может обедняться, язык — упрощаться и даже сознательно искажаться. И тогда на первый план выходит необходимость повышения языковой культуры.

¹ Поньрко Н. В. Указ. соч. С. 20.

² Там же.

³ Гусейнов А. А. Культурология Дмитрия Лихачева: коммент. к кн. Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре» / А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий; СПбГУП. СПб., 2006. С. 28–29.

⁴ Лихачев Д. С. О языке устном и письменном, старом и новом // Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. С. 355.

В работе «О языке устном и письменном, старом и новом» Дмитрий Сергеевич формулирует требования к научному тексту, озаглавленные им «О хорошем языке научной работы». Позволим себе привести некоторые из них:

Хороший язык научной работы не замечается читателем. Читатель должен замечать только мысль, но не язык, каким мысль выражена.

— Главное достоинство научного языка — ясность.

— Другое достоинство научного языка — легкость, краткость, свобода переходов от предложения к предложению, простота.

— Придаточных предложений должно быть мало. Фразы должны быть короткие, переход от одной фразы к другой логическим и естественным, «незамечаемым».

— Каждую написанную фразу следует проверять на слух; надо прочитывать написанное вслух для себя.

— Следует поменьше употреблять местоимения, заставляющие думать, к чему они относятся, что они «заменили».

— Не следует бояться повторений, механически от них избавляться. То или иное понятие должно называться одним словом (слово в научном языке — всегда термин). Избегайте только тех повторений, которые приходят от бедности языка¹.

В проблематике языковой культуры Дмитрия Сергеевича особо волновало явление, названное им «психологией сознательной порчи языка». В 1964 году увидела свет его статья «Арготические слова профессиональной речи», написанная еще в 1938 году². В ней ученый объясняет появление экспрессивных выражений в языке тех или иных профессий. Длительная пауза между написанием работы и ее публикацией огорчала Лихачева в первую очередь тем, что положения статьи «не используются практически в воспитательной работе. На нее как-то не обратили внимания, а я сам придаю ей серьезное значение»³.

Приведем интересный эпизод из жизни Пушкинского Дома. О. В. Панченко вспоминал, что когда он впервые вошел в Отдел древнерусской литературы в 1988 году, то на доске объявлений увидел лихачевский приказ со списком запрещаемых для употребления в «Трудах Отдела древнерусской литературы» слов и выражений. В нем значились: «абсолютно», «уникально», «впечатляющий», «волнительно», «сказать ниже», «информация» и др. Сотрудникам предлагалось список дополнять. Среди слов, добавленных в «Список Лихачева» его коллегами, оказались: «судьбоносный», «потрясающий», «практически невозмож-

¹ Лихачев Д. С. О языке устном и письменном, старом и новом. С. 357.

² См.: Лихачев Д. С. Статьи разных лет. Тверь: Тверское обл. отделение Российского фонда культуры, 1993. С. 95–138.

³ Лихачев Д. С. О языке устном и письменном, старом и новом. С. 367.

но», «обговорить», «задумка», «морально-нравственный» и др. Рядом с этим приказом висело еще одно «распоряжение», в котором Дмитрий Сергеевич в шутивно-назидательном тоне рекомендовал своим сотрудникам посетить выставку Казимира Малевича в Русском музее¹.

По существу **просветительство стало личным стилем жизни Д. С. Лихачева**. Для реализации этой миссии ему совсем не обязательно была многомиллионная аудитория.

В ряде случаев **просветительская миссия Лихачева реализовывалась в ходе конфликта с властями**, когда ученый боролся с губительными для культуры невежественными решениями. Оппонируя авторам проекта «реконструкции» Екатерининского парка, Лихачев писал, что этот проект «губителен и беспомощен даже с чисто архитектурной точки зрения <...>. Нельзя и бессмысленно возвращать парк к одному какому-либо периоду: петровскому, елизаветинскому, екатерининскому...» Ибо в итоге утрачивается то, что Лихачев назвал «мемориальной достоверностью»². Д. А. Гранин вспоминает: «В 60-е годы возникла идея перестройки Невского проспекта. <...> Перестройка была намечена основательная. Нижние этажи всех домов предлагалось соединить в одну общую витрину, создать особое пространство, сделать его пешеходной зоной. <...> Дмитрий Сергеевич выступил с речью. Это была блестящая речь. Он доказал, что перестройка Невского губительна для всей культуры. <...> Так начались его выступления — в защиту Екатерининского парка в Пушкине, Петергофского парка. С тех пор он стал препятствием для ленинградских властей, для всех невежественных, корыстных проектов. Вокруг него объединялась общественность»³.

Добиваться успеха удавалось не всегда. Д. С. Лихачев рассказывал об ущербе, нанесенном Невскому проспекту: «Портик Руска очень важен именно на этом месте, потому что он прямой перспективой связан с портиком Русского музея, что в этом и был градостроительный замысел Руска. <...> Через некоторое время портик Руска был разрушен (под предлогом строительства станции метро. — *Прим. авт.*), а на все последующие недоумения главный архитектор отвечал: “А мы его и не разрушали. Мы его разобрали, мы его и восстановим”. И действительно — восстановили... <...> Внешне он как будто бы такой же, а все-таки колонны не те. Кроме того, портик отнесен на несколько метров назад, и это уже меняет перспективу: исчезло противостояние Русскому музею. Вторжение в сложившийся архитектурный ансамбль нанесло ущерб Невскому проспекту. <...> Вроде бы горький опыт должен был бы на-

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 237–239.

² *Лихачев Д. С.* «Аллеи древних лип...» // Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 2001. С. 649.

³ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 215.

учить нас бережно относиться к культуре прошлого, к природе беречь малый мир и большой мир, в которых мы живем и которые теснейшим образом взаимосвязаны. И вроде бы он чему-то научил нас... Но — научил ли?»¹ Власть училась плохо, а вот интеллигенция сплывалась вокруг Дмитрия Сергеевича.

Практическая направленность просветительской деятельности была характерна для Д. С. Лихачева с первых шагов в науке. В далекие 1940-е годы, в блокадное время, преодолевая невероятные лишения, ученый занимается научно-просветительской работой. Осенью 1942 года вышла книга, написанная им в соавторстве с археологом М. А. Тихановой для солдат, находящихся в окопах. Лихачев вспоминал: «мы отправились в Смольный. <...> В Смольном густо пахло столовой. Люди имели сытый вид. Нас приняла женщина. Она была полной, здоровой. А у меня дрожали ноги от подъема по лестнице. Книгу она заказывала нам с каким-то феноменально быстрым сроком. <...> Мы согласились. И в мае (1942 г. — *Прим. авт.*) наша книжка “Оборона древнерусских городов” была готова. <...> Писалось, помню, хорошо — дистрофия на работе мозга не сказывалась»².

Большое просветительское значение имели **публичные выступления Д. С. Лихачева в прессе, на радио и телевидении**. Они по своему дополняли такие его печатные труды, как «Письма о добром», «Заметки о русском» и другие работы, направленные, прежде всего, на восстановление деформированного революцией и последующей сменой социально-экономических формаций процесса культурной преемственности поколений. Разумеется, адресатом лихачевской деятельности по укреплению национальных культурных корней, приобщению к традициям прошлого было в первую очередь молодое поколение. Однако деформации процесса культурной преемственности затронули многие поколения. Поэтому Лихачеву приходилось обращаться практически ко всем: и к юношеству, впервые обдумывающему проблемы вечных ценностей и истин, и к умудренным опытом людям, анализирующим прожитое. Многим из его слушателей передавались представления о богатстве и красоте русской духовности через крат-

¹ Лихачев Д. С. Тревоги совести // Лихачев Д. С. Я вспоминаю. С. 130–131.

² Лихачев Д. С. Избранное: Воспоминания. 2-е изд. СПб.: Logos, 2000. С. 504. Позже Д. С. Лихачев напишет: «С этого момента мои узкотекстологические занятия древними русскими летописями и историческими повестями приобрели для меня “современное звучание”. <...> Рассказы летописей как бы определяли размеры ленинградских событий. И мне стало ясно, что напомнить историю осад древнерусских городов остро необходимо. Это было ясно и М. А. Тихановой». (Лихачев Д. С. Послесловие к брошюре 1942 года // Лихачев Д. С. Я вспоминаю. С. 98, 102).

кие рассказы-собеседования о сюжетах, образах, памятниках отечественной истории, о запомнившихся эпизодах и событиях личной жизни Дмитрия Сергеевича.

Даниил Гранин вспоминает: «Благодаря телевидению Лихачев стал широко известен. Он вводил нас в мир высокой русской культуры и полузабытых ценностей жизни. Это была душевная среда, пронизанная деликатностью, учтивостью, которые стали неотъемлемым правилом его собственного поведения»¹. Этим во многом объяснялись личная популярность и общественная востребованность академика, особенно в «смутное» время на рубеже 1980–1990-х годов: «Органичность и открытость его публичного поведения были столь велики, что незнакомым людям, естественно, приходила в голову мысль обращаться к нему по самым разным поводам, далеким от древнерусской литературы»².

Значительный отклик в то время вызвала лихачевская идея «экологии культуры», породившая соответствующее движение³. Один из его активистов М. Г. Талалай впоследствии вспоминал: «Красный томик Лихачева со статьями о русской культуре, ходивший по рукам, был изрядно потрепан: надобно было писать множество воззваний, обращений, и за верным выражением часто обращались к основополагающей статье. Но, пожалуй, томик служил не как цитатник, а как пособие по стилистике, справочник по вежливым формам поведения»⁴.

Просветительские устремления Лихачева неотделимы от его размышлений о смысле и предназначении русской интеллигенции. **Образ интеллигента**, воссоздаваемый Дмитрием Сергеевичем в его трудах и устных выступлениях, безусловно, **был его личным идеалом просветителя**.

Очевидно, что академика правомерно считать продолжателем традиции отечественного просветительства, которое всегда сопровождалось мучительными духовными поисками и было согрето теплом живой человечности. Знание в этой традиции подвергалось нравственной оценке и рассматривалось в контексте Добра и Зла: не просто Разум, а добрый Разум, не просто знание и осведомленность, а знание ради добра, знание, несущее в себе ценностную компоненту. Закономерно, что одна из его главных книг называется «Письма о добром»⁵.

Эта сторона деятельности ученого была осмыслена профессором СПбГУП А. В. Соколовым в недавней монографии «Интеллигенция и

¹ Гранин Д. А. Один из последних // Гранин Д. А. Тайный знак Петербурга. СПб., 2002. С. 335.

² Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 241.

³ Там же. С. 217.

⁴ Там же. С. 218.

⁵ Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб.: Logos, 2006.

интеллектуалы в российской истории». На основании обращения к научному и публицистическому наследию академика Аркадий Васильевич предлагает включить в компоненты модели идеального русского интеллигента «по эскизу академика Лихачева» этическое самоопределение: а) совестливость, честность, правдивость; б) толерантность, осуждение насилия и террора; в) благоговение перед культурой, приобщенность к книжной культуре, русской литературе; г) индивидуализм, самодостаточность; д) оппозиционность по отношению к деспотичной власти¹.

Этическое самоопределение, духовно-нравственная составляющая определяет не только смысл и направленность лихачевского просветительства, но и шире — его научную методологию, суть философско-культурологических воззрений, в которых нравственная доминанта занимает ключевое место.

Среди просветительских задач, которые ставил перед собой Дмитрий Сергеевич, необходимо упомянуть и утверждение в общественном сознании принципа **толерантности**, терпимости, особенно — по отношению к иной культуре. Нам нечего бояться всемирного взгляда на природу и человека, искусство и культуру. «Сотрудничество, диалог и взаимопонимание народов мира являются залогом справедливости и демократии, условием предотвращения международных и межэтнических конфликтов, насилия и войн»², — писал он в «Декларации прав культуры». Касаясь проблемы религиозного образования в светской школе, ученый высказывает мысль, что «всякое деление по какому-нибудь признаку таит в себе очень большую опасность роста вражды на этой почве. Поэтому представить себе класс в школе, в котором часть учеников будет заниматься Законом Божиим православным, а часть, скажем, Кораном и магометанством, — трудно. Это даст новый повод для разделения и драк в школе. <...> Поэтому преподавание Закона Божия православного, католического, протестантского или ислама — это, конечно, очень важно для воспитания нравственности. Но это должно быть вне стен школы»³.

Петербургская тема одна из главных в просветительской деятельности для Д. С. Лихачева. Он заново открывает Петербург современникам, обращая внимание не только на красоту, но и на «душу» города, его особый эмоциональный «климат», уникальность его нравственного значения.

¹ Соколов А. В. Указ. соч. С. 332.

² Лихачев Д. С. Декларация прав культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 392.

³ Лихачев Д. С. Всякая образованность создается чтением и книгами // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006. С. 74.

Дмитрий Сергеевич выражает надежду на возвращение культуре города его «европейского характера со всеми европейскими ценностями: личностным характером, универсализмом, восприимчивостью к другим культурам, терпимостью к чужим убеждениям, свободой, открытым выходом в Европу и свободным входом к нам»¹. «Петербургские тексты» Лихачева в силу своего уникального просветительского потенциала, культурно-образовательного значения и легендарности личности автора оказались чрезвычайно востребованы. В частности, предисловиями ученого (специально написанными или тематически подобранными публикаторами) снабжаются многие издания, посвященные истории культуры Санкт-Петербурга². Просто, на основе доступных каждому наблюдений и сравнений Лихачев раскрывает многомерность культурной истории Петербурга, ее неоднозначность, неповторимость, «русскость» и «европейскость», блистательность города, где, говоря словами литературоведа и историка культуры И. П. Смирнова, «страдание стало каждодневной историей»³.

Следует заключить, что Д. С. Лихачеву очевидно принадлежит **особое место в истории русской просветительной деятельности**. Уход Дмитрия Сергеевича из жизни — это множественная утрата для общества. Но, думается, наиболее болезненно страна ощущает сегодня отсутствие Просветителя лихачевского масштаба.

¹ Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. С. 183.

² См., например: Петербург. Художественная жизнь. 1900–1916: фото-летопись. СПб.: Искусство-СПб., 2001. [Вступ. ст. Д. С. Лихачева «О петербургской культуре начала XX века»].

³ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 211.

4.2. О ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ

Дмитрий Сергеевич Лихачев — Почетный член Российской Академии образования. В самом этом факте уже отражено **признание особого значения трудов ученого для отечественной педагогики**.

Но в чем конкретно заключается вклад Д. С. Лихачева в образование? Удивительно, но при всей простоте вопроса ответить на него не легко. В современных справочниках можно прочесть о том, что Дмитрий Сергеевич — филолог и историк культуры, общественный деятель, что он создал **«концепцию, в русле которой рассматривал проблемы гуманизации жизни людей и соответствующей переориентации воспитательных идеалов, а также всей системы образования как определяющей общественное развитие на современном этапе»**¹. Там же говорится о его трактовке культуры не только как суммы нравственных ориентиров, знаний и профессиональных умений, но и как своего рода «исторической памяти». Мы знаем, что с культурой Лихачев тесно связывал понятие интеллигенции, видя в лучших ее представителях **идеал воспитания**. Нравственным проблемам академик посвятил ряд специальных книг и статей².

Все это верно, но с позиций современной педагогической науки явно недостаточно. Почти невероятно, но факт: «по Лихачеву» не было научных исследований в педагогической отрасли научного знания. Между тем практика настоятельно требует таких работ.

В преддверии столетия ученого писатель Даниил Гранин выдвинул идею проведения 1 сентября 2006 года уроков Лихачева во всех школах страны. Вместе с Даниилом Александровичем мы обратились с письмами к главам субъектов Российской Федерации, предложив им прислать в Санкт-Петербург на ежегодные майские Международные Лихачевские научные чтения лучших учителей регионов с тем, чтобы мы

¹ Лихачев Д. С. // Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. С. 376.

² См., например: *Лихачев Д. С. Заветное*. М.: Изд. образовательный и культурный центр «Детство. Отрочество. Юность», 2006; *Он же. Письма о добром*. СПб.: Logos, 2006; *Он же. Раздумья* / сост. и общ. ред. Г. А. Дубровской. М.: Дет. лит., 1991; *Он же. Школа на Васильевском* / Д. С. Лихачев, Н. В. Благово, Е. Б. Белодубровский. М.: Просвещение, 1990; *Он же. Я вспоминаю*. М.: Прогресс, 1991.

могли предложить педагогам методики проведения таких уроков. Предполагалось, что, вернувшись в регионы, эти учителя распространят их на местах.

Группа ведущих ученых Санкт-Петербурга, собранная Международным благотворительным фондом им. Д. С. Лихачева, создала под руководством члена-корреспондента РАО О. Е. Лебедева интереснейшие методические разработки Лихачевских уроков¹. Их главная идея — «урок... посвятить... конкретному человеку, имя которого стало символом нравственных ценностей»². В этих рекомендациях представлены размышления авторов о возможных вариантах урока, о проблемах, которые могут быть рассмотрены на нем.

Сама по себе эта идея заслуживает специального рассмотрения, и мы вернемся к ней несколько позднее. Пока же отметим, что наше с Д. А. Граниным обращение вызвало у губернаторов неожиданно активный отклик: на Чтения приехали учителя, представлявшие около 60 регионов России. К сожалению, позднее пассивность чиновников среднего звена Министерства образования не позволила реализовать нашу инициативу в полном объеме, но в целом ряде регионов страны эти уроки прошли.

Это является свидетельством **востребованности педагогического наследия Д. С. Лихачева**, как и большой успех издания эссе, философских стихотворений в прозе, размышлений и отдельных записей академика, предпринятого специально для школ страны председателем Российского детского фонда, академиком РАО, писателем А. А. Лихановым³.

Разумеется, все эти скромные действия абсолютно не соответствуют общему масштабу лихачевского наследия и его научно-педагогическому потенциалу. Очевидно, что решение данной проблемы сдерживается не только отсутствием полного академического собрания сочинений Д. С. Лихачева, но и недопониманием научного и практического значения публикаций Дмитрия Сергеевича, осуществленного за рамками литературоведения.

Между тем очевидно, что **на повестке дня процесс сущностного, а не формально-ритуального включения научного и нравственного наследия академика Д. С. Лихачева в контекст отечественной педагогики**. Следует дополнить оценку его литературоведческих работ и нравственного значения «публицистики» исследованием и выявлением научного вклада в педагогику. Дмитрий Сергеевич педагогичес-

¹ Уроки Лихачева: метод. рек. для учителей средних школ / сост. О. Е. Лебедев. СПб.: Бизнес-пресса, 2006.

² Там же. С. 2.

³ *Лихачев Д. С. Заветное.*

кой общественностью страны воспринимается как знаковая фигура и как «свой». Но это созвучие академика с педагогическим сообществом (я имею в виду и учительство, и вузовскую интеллигенцию, и ученых Академии), скорее, интуитивное, нежели обстоятельно осмысленное.

Видимо, во многом вводит в заблуждение простота лихачевских текстов. Вот как пишет об этом академик А. А. Гусейнов: «...тексты Лихачева, как, впрочем, и его исследовательские труды, читаются легко. Этому, конечно, способствует ясность языка, еще больше свободная эссеистская манера рассуждения. Автор часто апеллирует к личным наблюдениям, к конкретным узнаваемым фактам и произведениям, непринужденно переходит от предмета к предмету; он пишет так, будто ведет необязательную беседу. Вся эта мозаика на первый взгляд случайных фактов, воспоминаний, ассоциаций складывается в стройную картину, организованную вокруг определенной идеи, в результате чего последняя предстает не в голом виде последовательного логического рассуждения, а в качестве одухотворяющей основы самой жизни. И все-таки особая привлекательность текстов заключена... в содержании идей. Лихачев говорит вещи, которые не могут не волновать думающего человека... И говорит так, словно хочет прояснить читателю то, что тот сам смутно чувствует. И задача читателя в этом случае скорее распознать истину, чем узнать ее, говоря точнее: узнать, но так, как узнают человека, которого видел и знал раньше»¹. Это высказывание удивительно точно соответствует восприятию лихачевских публикаций педагогическим сообществом. Мы «распознаем» в них то, что либо знали в несколько ином виде, либо ощущали интуитивно.

Однако во всех своих человеческих, личных, общественных «ипостасях» Д. С. Лихачев остается прежде всего ученым. Как уже говорилось ранее, в своем подходе к науке он не является типичным для нашего времени исследователем научных проблем, то есть его нельзя отнести к категории специалистов, которые путем кропотливого анализа доходят до сути определенного явления, а затем переходят к следующему. Общегуманитарная теоретическая подготовка академика столь высока, что скрупулезное обоснование своих научных суждений, использование стандартных, общепринятых в науке технологий изложения своих мыслей для него излишне: его «публицистические» тексты не наукообразны по форме, но высоконаучны по содержанию.

Отечественной педагогике необходимо определенно выяснить, что в научных воззрениях Д. С. Лихачева является традиционным и что новаторским. Необходимо вычленив суть его воззрений из «публицистики» и логично, последовательно описать в контексте истории

¹ Гусейнов А. А. Культурология Дмитрия Лихачева: коммент. к кн. Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре» / А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий; СПбГУП. СПб., 2006. С. 28–29.

педагогических учений. К примеру, возьмем его книгу «Школа на Васильевском», написанную в соавторстве с Н. В. Благово и Е. Б. Белодубровским. В первых же строках читаем: «Главная цель средней школы — воспитание. Образование должно быть подчинено воспитанию. Воспитание — это, в первую очередь, прививка нравственности и создание у учащихся навыков жизни в нравственной атмосфере. Но вторая цель, теснейшим образом связанная с развитием нравственного режима жизни, — развитие всех способностей человека и особенно тех, которые свойственны тому или иному индивидууму»¹. Понятно, что авторская позиция целиком лежит в русле традиций отечественной педагогики, и хорошо известно — каких.

Но целый ряд других публикаций академика требует значительно больших усилий для анализа. Назову, к примеру, «Раздумья», «Письма о добром», «Я вспоминаю». **В них Д. С. Лихачев выступает в роли, схожей во многом с ролью не только теоретика, осовременившего нравственные заповеди, но и педагога-практика.** Может быть, здесь уместно сравнить его с В. А. Сухомлинским. Только мы не просто читаем рассказ о собственном педагогическом опыте, а как бы присутствуем на уроке замечательного учителя, ведущего разговор, удивительный по мере педагогического таланта, выбору предмета, способам аргументации, педагогическому интонированию, владению материалом и словом. Уровень лихачевского монолога столь высок, что кажется, урок ведет сама Истина или Господь Бог (кому как нравится). На первый взгляд просто непостижимо, как в этих текстах важнейшие для воспитания человека истины проходят как бы непосредственно в душу читателя, минуя всевозможные наслоения и препятствия, столь свойственные для нашей педагогической практики.

Вместе с тем очевидно, что абсолютно все компоненты этого «урока» могут и должны быть подвергнуты теоретическому и методическому анализу. Например, очень интересно, что в ряде публикаций академика **педагогическая система воспроизводится и рассматривается как бы глазами объекта воспитания — ученика.** Только ученик этот постепенно вырос в крупную личность, состоялся в семейной жизни, сфере частных межличностных отношений, общественной жизни, профессиональной деятельности и получил во всех этих сферах заслуженное признание. **Теперь, представляя из себя своего рода «идеальный педагогический результат», данный объект воспитания может проследить, как происходило его становление и развитие в качестве самостоятельной личности, субъекта самовоспитания,** как работали те или иные педагогические системы, что мешало ему на жиз-

¹ Лихачев Д. С. Школа на Васильевском. С. 5.

ненном пути и что помогало, какую роль играли различные компоненты педагогических систем, социально-культурная среда и т. д.

Такой ретроспективный анализ, проводимый академиком, с учетом уникального научного аппарата Дмитрия Сергеевича, неизбежно дает и уникальные результаты. Данную ситуацию можно рассматривать как **удивительный педагогический эксперимент**, который поставила сама судьба ученого, предоставив ему же возможность фиксации и анализа результатов.

Почему жизнь Лихачева сложилась именно так, а не иначе? Что в ней было случайно, а что закономерно? В какое время, под каким влиянием и какие ценностные ориентации у него сформировались? Кто был для него идеалом? Какие педагоги, какие персонажи истории, кто из окружавших личностей оказывал влияние? Что из содержания процесса обучения воспринималось в конце жизни как наиболее важное и почему? Как обучение Лихачева было взаимосвязано с его воспитанием? Мы можем задавать себе эти и другие вопросы и получать на них из трудов Дмитрия Сергеевича вполне конкретные ответы, обогащающие педагогическую науку. Этот аспект лихачевского наследия также ждет своих исследователей.

Работы Д. С. Лихачева должны сыграть свою роль и в переосмыслении ряда фундаментальных постулатов и проблем образования. Стремительные перемены реальности, динамично обновляющийся жизненный контекст деятельности педагога требуют систематической сверки наших позиций с жизнью. Разумеется, фундаментальные ценности, выработанные в ходе жизнедеятельности человечества, меняются мало. Что нельзя сказать об особенностях их звучания на различных этапах общественного развития и конкретных педагогических технологиях возвращения этих ценностей в новых поколениях воспитуемых.

Интереснейший материал для исследователя — собственные гуманитарные взгляды Д. С. Лихачева. Вся мировая история может, по его мнению, рассматриваться как история вызревания и прорастания из глубин бытия Человеческого начала. Может быть, именно **Человеческое начало является главным предметом разносторонних исследований самого Дмитрия Сергеевича на протяжении всей его жизни.** Эта тема пронизывает все его публикации, озаряя их особенным внутренним светом. Но этот феномен лихачевского наследия не изучен и не описан надлежащим образом.

И если считать Дмитрия Лихачева в широком смысле слова педагогом, то, помимо оценки «великий», следует добавить определение «гуманист». Проблема гуманизма направляла научные интересы ученого. Гуманизм «просвечивал» во всем, что бы Дмитрий Сергеевич ни исследовал: литературу, живопись, зодчество, религиозно-философские взгля-

ды писателей Древней Руси, творчество Ф. М. Достоевского, феномен и судьбы российской интеллигенции и т. д. Гуманизм был интересен Лихачеву при исследовании зарождения и развития культуры, в анализе трансформаций литературного творчества... И уж, разумеется, эта тема волновала его в работах, напрямую связанных со становлением человеческой личности. **Что такое гуманизм и как его взрастить «по Лихачеву»** — предмет особого интереса педагогической науки.

Член-корреспондент РАО О. Е. Лебедев посвятил данной теме публикацию «Уроки Лихачева для детей и взрослых»¹. В частности, петербургский ученый пишет: «Тысячи школьных уроков не сводятся к занятиям по математике и физике, литературе и истории, биологии и другим учебным предметам. Это уроки отношения к миру, к природе, к ценностям культуры, к людям. Сейчас началась работа над созданием нового поколения стандартов для общеобразовательной школы. В связи с этим возобновились дискуссии относительно главных результатов школьного образования. В ходе одной из таких дискуссий была высказана верная, на мой взгляд, мысль о том, что главным результатом образования, полученного в школе, надо считать способность ее выпускников различать добро и зло». Далее О. Е. Лебедев продолжает: «По сути дела, весь социальный опыт, который осваивается учащимися на школьных уроках, представляет собой опыт решения проблем — познавательных, мировоззренческих, политических и всяких иных. Но ведущее место в этой совокупности разнообразных проблем занимают проблемы нравственного выбора».

Здесь уместно еще раз повторить, что совесть, по Лихачеву, — единственная власть, сила которой не только не лишает человека свободы, но и гарантирует ее. Размышляя об этом, академик утверждает: «Совесть принуждает, но принуждение совести является гарантией его (человека) полной свободы, потому что совесть принуждает изнутри, все остальные принуждения приходят извне: партийные, классовые, какие угодно другие»².

Источником нравственного образования человека является освоенная им гуманитарная культура, источником образования — культура в целом. Если вдуматься в смысл слов «общее образование», то можно его представить как образование, которое объединяет людей общими представлениями о ценностях культуры. В связи с этим можно предположить, что **магистральный путь дальнейшего развития образования лежит в направлении его культурологической составляющей, несущей в себе интегрирующее различные предметы гу-**

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 29 авг.

² Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006. С. 39.

манистическое начало. В данном плане методологический вклад Лихачева в образование очень важен. И здесь открывается широчайший фронт работы для педагогической науки.

Прежде всего, на мой взгляд, заслуживают изучения **воззрения академика на общий процесс культурной преемственности поколений.** Образование как социальный институт общества является, по Лихачеву, именно институтом культурной преемственности. Для понимания «природы» этого института очень важна адекватная оценка учения Д. С. Лихачева о культуре. Скажем, принципиальное значение имеет представление академика о европейском характере российской культуры.

Весьма важны работы Лихачева, посвященные Петровским реформам. Существенно, что Дмитрий Сергеевич очень убедительно показывает ущербность представлений о допетровской Руси как крае и времени исключительно крестьянской культуры: в подобных взглядах нет места ни для «Слова о полку Игореве», ни для Андрея Рублева и Феофана Грека, ни для Сергия Радонежского. Допетровская средневековая культура Руси была великой культурой. Другое дело, что настало время для ее перехода на новый этап развития.

Наиболее широкий контекст, в котором, по Лихачеву, следует рассматривать нашу культуру, — всемирный. Подчеркнем еще раз: Дмитрий Сергеевич полагает самой характерной чертой русской культуры, проходящей через всю ее тысячелетнюю историю, — вселенскость, универсализм. В этом смысле Россия — самая европейская страна в Европе. Ибо, по Лихачеву, «европейская культура отличается именно тем, что она открыта к восприятию других культур, к их объединению, изучению, сохранению и отчасти усвоению»¹.

Из понимания Д. С. Лихачевым российской культуры как европейской логично вытекает его **утверждение о европейском характере отечественного образования,** особую роль в становлении которого он отводит Санкт-Петербургу. Думается, изучение истории формирования и развития петербургских образовательных учреждений и их системы под лихачевским углом зрения может многим обогатить отечественную педагогическую теорию.

Следует отметить, что воззрения академика на историю российской культуры даже при их определенной дискуссионности могут являться отправным пунктом для дальнейшего **развития теории педагогических систем в их общекультурном контексте, переосмысления целей воспитания, педагогического опыта, не говоря уже о совершенствовании отдельных предметных курсов.**

¹ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 198.

Разумеется, результаты научной деятельности Д. С. Лихачева должны быть включены в школьные и вузовские программы как **Знание, обязательное при получении образования**. Пока это должным образом не сделано, но, несомненно, произойдет после осмысления великого наследия академика новыми поколениями ученых.

Влияние литературы, искусства, архитектуры, природы на души людей Дмитрием Сергеевичем прочувствовано и осмыслено по-особому. Взять хотя бы исключительную по силе мысли работу «Сады Лицея»¹ или уже упоминавшееся выступление перед профессурой и студенчеством Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов «Петербург в истории русской культуры». Не меньший интерес вызывают и его размышления «О русской интеллигенции». Они могут быть рассмотрены как элементы своего рода **педагогической программы Лихачева по самовоспитанию для молодых людей**, вступающих в жизнь. Но самой важной в этом плане является, конечно, «Декларация прав культуры» и ее центральная мысль, что **культура — определяющее условие реализации созидательного потенциала личности**.

Заслугой Д. С. Лихачева стало и выделение специфической роли социально-культурной среды в становлении личности. Роль идеального окружения идеалов, образцов, попадающих в индивидуальное пространство жизнедеятельности личности, состоит в том, что, живя, человек, хочет он того или нет, осознает или не осознает, впитывает, вбирает то, что создано предками, в пространстве его существования незримо присутствует все, сотворенное предшествующими поколениями. Именно в этом видел академик, к примеру, уникальность воздействия на человека Петербурга–Петрограда–Ленинграда. Жить там, где жили выдающиеся архитекторы, литераторы, критики, философы, впитывать впечатления от их творений, от знакомства с их жизненным путем — значит, обогащаться духовно, возвышаться нравственно. Вот почему отношение к прошлому для Д. С. Лихачева — критерий присутствия (или отсутствия) в человеке прекрасного, доброго: «Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, значит, он не любит их. Если человек не любит старые улицы, старые дома, пусть даже и плохонькие, значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, он, как правило, равнодушен и к своей стране»².

¹ Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 244–260.

² Лихачев Д. С. Экология культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 332–333.

Д. С. Лихачев пришел к пониманию того, что **память о прошлом — это один из способов существования культуры**. Фальсификация прошлого, предвзятое к нему отношение, выстраивание его по шаблонам в угоду той или иной идеологической конъюнктуре лишает культуру предметности, живой связи с предшествующим развитием, а человеческую личность оставляет без духовных корней, без той нравственной почвы, на которой только и произрастает человеческое в человеке. Именно с точки зрения нравственного значения памяти, с позиций «экологии культуры» рассматривал ученый великие события в истории нашей Родины, страницы ее воинской славы — Бородинское сражение, Куликовскую битву. С болью писал он о варварски взорванном в 1932 году памятнике на могиле выдающегося полководца Отечественной войны 1812 года Петра Ивановича Багратиона. С горечью говорил о могиле героев Куликовской битвы Пересвета и Осляби, на месте которой в старой церкви Рождества завод «Динамо» установил мотор мощностью в 180 киловатт. Нет ни упоминаний, ни мемориальной доски, только грохот и рев моторов...

Думается, читателю очевидно, что задача данной главы — не подведение итогов научно-педагогической деятельности выдающегося российского ученого, а **приглашение коллегам (и теоретикам, и практикам) к дальнейшему осмыслению и применению педагогического наследия** академика Д. С. Лихачева. Речь идет о педагогическом наследии как взглядах на проблемы воспитания и образования; результатах исследований в области гуманитарной культуры, которые могут рассматриваться как исходные позиции для дальнейших педагогических поисков; опыте педагогической деятельности. В связи с этим важно в контексте педагогической науки более детально рассмотреть само понятие «педагогического наследия» и сферу его применения.

Изучение педагогического наследия Лихачева может иметь существенное значение как для решения педагогических проблем среднего и высшего образования, так и для постановки новой исследовательской проблематики. К примеру, «вечными проблемами» педагогики школы являются **отбор содержания образования и выбор методов обучения**. Наследие Дмитрия Сергеевича содержит в этом плане значительные перспективы. Возьмем отбор содержания: школа должна приобщать к культуре, но ей приходится работать с учебными (адаптированными) текстами. Важно оптимизировать соотношение адаптированных и научных текстов, а также первоисточников. В советской школе был накоплен интересный опыт работы с первоисточниками — ленинскими работами. От этого опыта, естественно, отказались. Но **потребность в обращении к философским, культурологическим текстам, доступным для школьников, осталась. В роли таких первоисточников вполне могут выступать работы Д. С. Лихачева**.

Лихачевское наследие может быть весьма полезно и в решении другой проблемы: необходимым элементом содержания образования является **собственный опыт обучаемых**, который **должен быть переосмыслен в процессе обучения**. Однако отечественная педагогика пока не добилась в данном плане сколь-нибудь заметных успехов. У Дмитрия Сергеевича здесь можно многому научиться. В то же время **труды академика могут быть использованы и для совершенствования методов обучения**, например методики диалога. Важная исследовательская задача — опираясь на работы Лихачева, **углубить современное понимание роли фактора исторической памяти в процессе развития образовательных систем**.

Итак, у научно-педагогического сообщества страны впереди большая работа, к которой нас обязывает и память замечательного ученого-гуманитария, и потребности страны.

4.3. ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ — ИМЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ*

В данном разделе представляется уместным вернуться к начатому ранее разговору об уроках Лихачева в школах, точнее — **об идее посвящения урока конкретному человеку, имя которого стало символом нравственных ценностей**. Сама по себе эта идея, безусловно, не является новой для педагогики. Напротив, она существует столько же, сколько существует обучение и воспитание. В ее основе — **выбор идеала, воспитание примером**.

Наиболее ярко, последовательно и масштабно данная идея воплотилась в христианстве — единственной, как справедливо отмечал Д. С. Лихачев, религии, в которой Богом является личность, избираемая верующими как идеал для подражания, с мифологизированным опытом которой сверяются мысли и поступки. Фигура Христа стала своего рода центральным культурным элементом, своего рода «точкой кристаллизации», вокруг и от которой развивается последние две тысячи лет европейская культура. В контексте этого процесса образуются **европейские педагогические модели**, занимающие ведущее место в настоящее время и в нехристианских культурах.

Совершенно очевидно, что этот уникальный опыт человечества вполне воспроизводим в более локальных масштабах при формировании отдельных субкультур. Это учитывалось в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в период с 1992 года по настоящее время. Речь идет **о конкретном педагогическом эксперименте**, который частично отражен в ряде публикаций, не раз становился предметом специального анализа Президиума Российской Академии образования¹ и в целом — предметом иного разговора. Тем не менее представляется уместным познакомить читателя с некоторыми аспектами

* Раздел написан в соавторстве с профессором СПбГУП Л. А. Санкиным.

¹ *Занесоцкий А. С.* Модель гуманитарного университета и воспитание российского интеллигента: докл. на совместном заседании бюро Президиума РАО и Ученого совета СПбГУП, 9 февраля 2000 г. / СПбГУП. СПб., 2000; *Он же.* Обеспечение качества высшего гуманитарного образования: выездное заседание Президиума Российской Академии образования / СПбГУП. СПб., 2006; *Он же.* Обеспечение качества высшего гуманитарного образования // Педагогика. 2006. № 2. С. 3–13.

данного опыта, поскольку, по существу, **урок Лихачева ведется в СПбГУП уже 15 лет.**

Данный эксперимент Президиумом РАО признан успешным и может быть рассмотрен как **пример использования знаковых фигур для формирования культурно-образовательной среды, в свою очередь создающей современный уровень университетского образования.** Коллегами отмечен стремительный рост СПбГУП от обычного, по ленинградским меркам, учебного заведения до одного из лидеров отечественного высшего образования. О том же говорит бесстрастная статистика государственных органов: за последние 15 лет СПбГУП практически по каждому из показателей госаккредитации вышел на уровень 5–10 % ведущих вузов страны. Ежегодно на биржу труда обращается менее 1 % наших выпускников. Их уверенный карьерный рост подтверждается независимыми социологическими исследованиями. **Эти результаты во многом связаны с особой ролью личности Дмитрия Лихачева, реализованной в университетском сообществе благодаря специально разработанным педагогическим технологиям.**

Несомненно, представление о вузе как социально-педагогической системе в принципе не является чем-то новым в педагогике высшей школы. Так же, как и тезис о важности для университетов соединения науки и обучения. В то же время конкретные механизмы реализации этих важных для высшего образования положений мало описаны и тем более явно недостаточно изучены.

Опыт совместной работы с Дмитрием Сергеевичем побуждает ко многим размышлениям на профессиональные темы: как реформировать средний по уровню вуз, перевести его в иное качество? Как создать творческую обстановку, привлечь научные светила и использовать их присутствие, превращая институт в университет? Как сформировать новые традиции и сделать их фактором повышения качества работы?

Следует начать с того, что СПбГУП последние 15 лет исповедует и отстаивает свой путь, свое видение университетского образования в России. Это видение во многом сформировалось под влиянием и при непосредственном участии Д. С. Лихачева.

...Приход академика Лихачева в Университет в начале 1990-х годов представляется закономерным.

В советское время, уже будучи академиком, Дмитрий Сергеевич много «воевал» с начальством, защищая культуру и природу, используя для этого весь свой авторитет. Уже в 1970-е годы он завоевал в среде интеллигенции репутацию защитника национальных святынь и человека прогрессивных взглядов. С приходом к власти Горбачева данный образ академика стал доступен широким массам. В начале демократических преобразований Д. С. Лихачев активно поддерживал перестройку,

но в начале 1990-х годов понял, что общее направление перемен может принести народу неисчислимые беды. Наступило разочарование. В этот период он и знакомится с нашим вузом.

В СПбГУП Лихачев увидел тогда один из немногих, но ярких примеров перемен к лучшему, конкретное свидетельство того, что его усилия были не напрасны. Это же привлекало к нам первого мэра города Анатолия Собчака и многих других. С начала 1990-х годов бывать в нашем вузе стало интересно. Сюда потянулись выдающиеся отечественные интеллектуалы: Александр Зиновьев, Юрий Осипов, Юрий Афанасьев, Игорь Кон, Александр Панченко, Николай Скатов, Борис Васильев, Григорий Бакланов и многие другие — обсудить проблемы гражданского общества, судьбы интеллигенции, взаимосвязь экономики, нравственности и культуры, пути реформирования образования. Люди самых разных политических ориентаций стремились использовать СПбГУП как трибуну для изложения своих взглядов: от Гавриила Попова, Галины Старовойтовой до Анатолия Лукьянова и Геннадия Зюганова.

В конце 1992 года наш профессор Р. С. Милонов ввел в эту среду академика Д. С. Лихачева. В нашем вузе ему понравилось. Видимо, что-то напоминало академику собственную студенческую юность. Во всяком случае, он сразу ощутил особую атмосферу, почувствовал себя просто и естественно. Обстоятельно познакомившись с Университетом, Лихачев вскоре принял принципиальное для себя решение — согласился стать нашим Почетным доктором. «...теперь я — ВАШ¹, — сказал он, получая докторскую мантию СПбГУП, и пояснил, — ...хочу поблагодарить всех моих коллег, находящихся в этом зале, за ту честь, которая мне оказана. Я чувствую себя сегодня в Университете XXI века. Если основная часть европейских университетов гордится своим прошлым, то мы должны гордиться своим будущим»².

Через пять лет работы в СПбГУП академик счел необходимым в одном из телеинтервью добавить следующее: «Думаю, что это — университет будущего. Он очень мобильный, способный на эксперименты — а в образовании эксперименты очень нужны. Этот вуз откликается на новые идеи, он живой, там живая наука. Кроме того, творческие процессы — театральные, балетные, музыкальные — сочетаются в нем с научным изучением искусств. Это очень важно». Учитывая, что в 1992 году мы первыми в стране ввели платное образование, начали заключать договоры на обучение с частными лицами и с тех пор подвергались всевозможным нападкам, Дмитрий Сергеевич неожиданно продолжил в нашу

¹ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры: акт. лекция, прочитанная 19 мая 1993 г. в день вручения Д. С. Лихачеву диплома и мантии Почетного доктора СПбГУП // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006. С. 25.

² Там же. С. 11.

защиту: «Так что, если у родителей есть возможность заплатить за воспитание собственных детей, за обучение в этом университете — то это лучший способ потратить деньги, получить от них достойную отдачу»¹.

Продуктивность перемен в СПбГУП и мнение о вузе академика Д. С. Лихачева были обусловлены рядом обстоятельств. Во-первых, наше учебное заведение было малоизвестным, но серьезным центром гуманитарного знания, — лучшим на тот момент российским вузом культуры. Не зря наши выпускники занимали ключевые должности в сфере культуры ряда соцстран и практически всех республик СССР. В Ленинграде крупнейшие учреждения культуры, такие как БКЗ «Октябрьский», ДК им. Ленсовета, Выборгский ДК и другие и сегодня возглавляются нашими выпускниками той поры. К моменту распада СССР здесь собралась незаурядная профессура. Малоизвестность же учреждения объяснялась закрытым характером международной профсоюзной системы подготовки кадров.

Во-вторых, в момент слома социалистической системы, в суматохе и неразберихе нам удалось добиться реальной вузовской автономии. Мы перестали обращать внимание на идеологические инстанции. Почти сразу же открылась кафедра культурологии, на которую пришли С. Н. Иконникова и М. С. Каган. В вузе появились и другие новые крупные ученые: один из основоположников отечественной социальной психологии Б. Д. Парыгин, академик-педагог А. В. Даринский, юрист-международник И. Е. Тарханов и т. д. Создалась динамичная и свободная обстановка, как будто бы в давно запертом помещении вдруг отомкнули двери и широко распахнули окна, ворвался свежий ветер. Мы внедрили механизмы самофинансирования, что закрепило нашу самостоятельность. Таким образом, с 1991 года наш вуз стал и до сих пор остается удивительно независимым от любых внешних сил в плане подбора кадров, научной и духовной жизни.

Разумеется, наши учредители (профсоюзы) серьезно контролируют работу вуза, особенно — в финансово-хозяйственной сфере, а министерство проверяет соблюдение госстандартов и других норм. Но этот контроль осуществляется не оперативным вмешательством, а по ответственности результатов работы уставным целям и задачам.

В постсоветскую эпоху мы вступили с достойными учредителями, маститыми профессорами, реальной вузовской автономией, творческой атмосферой и желанием перемен.

Для понимания сути сотрудничества академика Лихачева с нашим вузом весьма полезно прочитать его работу «Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века»². Дмит-

¹ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры. С. 67.

² Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 276–284.

рий Сергеевич пишет, что «в городах существуют районы наибольшей творческой активности», «места деятельности, куда тянет собираться, обсуждать работы, беседовать, где обстановка располагает к творческой откровенности, где можно быть в своей среде». По его мнению, тяга к творческому новаторству способствует появлению групп единомышленников. Новаторство требует коллективности и признания хотя бы в небольшом кружке людей близкого интеллектуального уровня. Эти высказывания дают ответ сразу на два вопроса, которые нам часто задают в последние годы: почему академик Лихачев избрал для сотрудничества именно наш Университет, и почему вслед за ним в СПбГУП пришли Николай Платэ, Даниил Гранин, Андрей Петров, Лев Додин, Борис Эйфман и др.

Практики посвящения в почетные доктора тогда в нашей стране не существовало. Традиция, имеющая многовековую историю, была практически забыта в советский период. Между тем к концу XX века в мировом образовательном сообществе сложились два подхода к ее реализации: приглашать в почетные доктора личностей, добившихся выдающихся успехов в сферах науки, культуры, искусства, либо в поисках практической выгоды облачать в мантии «сильных мира сего». Мы пошли по первому пути.

Идея избрать Д. С. Лихачева Почетным доктором СПбГУП родилась не случайно. Дело в том, что у нас вызвали озабоченность стремительное разрушение советской системы воспитания и отсутствие какой-либо ее замены. Как известно, **педагогический процесс** (если он есть) **представляет собой систему, важнейшим элементом которой является цель воспитания. Формирование же цели предполагает наличие идеалов.** Люди, разрушавшие Советский Союз, начали с разрушения идеалов советского времени. Образовалась очень опасная пустота, в которую стремительно входили чуждые нашим представлениям о жизни ценности.

В связи с этим мы посчитали очень важным представить университетскому сообществу персонифицированные символы, воплощающие традиционные для человечества ценности, — людей, которые были бы официальным образом провозглашены вузом в качестве своих идеалов. И Лихачев удивительно замечательно подходил для этой роли. Несмотря на все кипение политических страстей того времени, Дмитрий Сергеевич оказался как бы вне политики, вернее — над политикой. В пору всеобщего смятения умов он стал олицетворением идеи служения вечным, абсолютным ценностям. Его научный и нравственный авторитет в обществе был безупречен.

Самому Д. С. Лихачеву эта идея понравилась по другой причине. Он хотел поддержать динамично развивающийся, реформируемый Университет. Дело в том, что многим в нашем городе было непонятно,

что происходит в СПбГУП. А мы создавали **принципиально новую модель университета, в основе которой лежала опора на лучшие достижения отечественной и мировой культуры**. Эту модель мы назвали культуроцентристской. Радикальному реформированию подвергались юридическая и экономическая сферы жизни вуза, система воспитания, взаимоотношения между педагогами, студентами и администрацией и многое другое. Общественное мнение неоднозначно ко всему этому относилось. Одним было в принципе ненавистно наше уверенное движение вперед, другие откровенно завидовали чужим успехам, третьи опасались конкуренции и т. д. В этой обстановке Дмитрий Сергеевич счел нужным положить свой авторитет на нашу чашу весов. Характерно, что академик Лихачев за всю свою жизнь принял мантии 19 зарубежных вузов и только одного — российского.

Как посвящать в почетные доктора, никто не знал. Мы обратились за консультациями к Дмитрию Сергеевичу, и работа закипела. Университетские секретарши взялись за пошив мантии и шапочки. Несколько раз наши делегации ездили домой к Лихачеву посмотреть его академический «гардероб». В итоге по его совету разработали очень скромный, строгий фасон. Затем был создан дизайн диплома, определена лаконичная форма занесения имен Почетных докторов на мраморную доску. Церемонию посвящения в доктора тоже разрабатывали с Лихачевым. Дата основания новой традиции была приурочена к 24 мая — Дню славянской письменности.

Церемония прошла в обстановке исключительного эмоционального подъема. Все чувствовали, что происходит что-то особенное. В этот день для коллектива что-то изменилось. Сознание того, что перечень наших педагогов и ученых открывается именем Лихачева, уже никогда не позволяло нам далее жить как прежде. С этого дня мы повели отсчет новейшей истории нашего учебного заведения — в качестве не просто вуза, а Университета. Позднее к 24 мая мы стали приурочивать открытия ежегодных выставок трудов наших педагогов, научные конференции, подведение итогов конкурсов научных работ студентов, презентации выпущенных в свет книг. Вслед за Дмитрием Сергеевичем нашими Почетными докторами стали: Михаил Аникушин, Георгий Свиридов, Кирилл Лавров, Мстислав Ростропович, Наталья Бехтерева, Эльдар Рязанов, Андрей Вознесенский и другие замечательные россияне.

Сейчас представляется совершенно очевидным, что **присутствие в вузе особой группы духовных лидеров** благотворно сказывается как на деятельности всего университетского сообщества, так и на личном «настрое» универсантов. Одно дело осознавать себя участником некоей учебной или научной будничной рутины, совсем другое — понимать, что твоими коллегами или учителями являются выдающиеся современники, «чьи имена звучат нам как девизы».

Церемония облачения Лихачева в нашу мантию была показана центральным телевидением. Вслед за нами многие отечественные вузы стали избирать почетных докторов. И все же, мне думается, что роль традиций в отечественном высшем образовании, при всем формальном ее декларировании, по существу недооценена. Даже в самых богатых историей университетах ее скорее ощущают интуитивно, нежели делают предметом изучения и системного конструирования.

Теперь мы убеждены, что **университет** — это не столько здание, библиотека, компьютеры, и даже не столько профессора и студенты, сколько **человеческая общность, базирующаяся на тех или иных ценностях. Каковы ценности — такова общность.** И результаты ее деятельности — соответствующие. **Мы сформировали социально-педагогическую систему, в центре которой — крупнейшие личности России и замечательные достижения отечественной и мировой культуры.** И получили желаемые результаты в виде востребованности вуза молодежью, оценок нашей деятельности государственными органами и учредителями, трудоустройства выпускников и их карьерного роста. Но все начиналось с мантии для Лихачева.

Особо следует отметить влияние Дмитрия Сергеевича на деятельность университетской кафедры культурологии. Начало было положено лекцией «Петербург в истории русской культуры», прочитанной академиком 19 мая 1993 года при посвящении его в Почетные доктора. Вскоре в учебные планы по всем специальностям СПбГУП были введены курсы «История культуры Санкт-Петербурга».

Возвращая научные долги патриарху, кафедра в последнее время внесла значительный вклад в осмысление научного наследия академика Д. С. Лихачева в сфере истории и теории культуры. Надеюсь, не только гуманитариям, но и самому широкому кругу читателей будет интересно познакомиться с выпущенной в этом году СПбГУП книгой Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре» и комментариями к ней. К юбилею Дмитрия Сергеевича Университетом издан и еще один сборник: «Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов». В нем собраны материалы, появившиеся в ходе работы академика в СПбГУП. Некоторые из них публикуются впервые. Названное издание обладает ценностью документального свидетельства, позволяющего ясно представить себе мысли и чаяния Д. С. Лихачева в последние годы жизни.

Значительный интерес для читателя могут представить три текста, связанных с разработкой Д. С. Лихачевым «Декларации прав культуры» — своего рода вершины жизненного пути Великого Петербуржца. Конечно, это — особая страница в нашей совместной деятельности с Дмитрием Сергеевичем, которой Университет всегда будет гордиться. Но для исследователей наследия академика Лихачева, как мне думает-

ся, интересно и другое — возможность проследить, как изменился текст Декларации от первоначальной идеи до итогового документа, разработанного под руководством выдающегося ученого профессурой СПбГУП. Текст, завершающий сборник, создан Лихачевым как руководителем коллектива ученых-единомышленников. В таком характере этой работы видится некое послание в будущее: лидер уходит, но «продолжение следует»...

Рамки данной книги не позволяют показать, как конкретно «встраивались» в сложившуюся систему научно-педагогической деятельности Университета студенты. Но одну красноречивую деталь следует все же привести: в настоящий период в среднем каждый четвертый студент делает ежегодно доклад на молодежной секции майской научной конференции, носящей имя Дмитрия Лихачева.

Работа академика в СПбГУП показывает пример конкретной пользы крупного ученого для учебного заведения. Вместе с тем она побуждает и к размышлениям о роли университетов в содействии реализации ярких личностей не только в период их становления, но и в пору зрелости. Кроме того, очевидно, что университетский период деятельности академика стал и его особым посланием в будущее — через соприкосновение с научно-педагогическим сообществом и студенчеством.

Незадолго до ухода Дмитрия Сергеевича из жизни Университет приступил к съемкам документального фильма о Лихачеве. В одном из последних интервью Дмитрий Сергеевич обращается к молодому поколению с напутствием: «Спешите учиться, спешите получать образование», «...образованность — это основа умения честно прожить жизнь, насладиться ею, получить радость от познания мира...»¹ Эти слова звучат как определение смысла человеческой жизни.

Думается, есть глубокая внутренняя логика в том, что, получив блестящее университетское образование и проявив себя в качестве выдающегося деятеля академической науки, Дмитрий Сергеевич на завершающем этапе жизни снова приходит в университет: связь времен не должна распасться, страна должна прирастать новыми университетами и новыми Лихачевыми.

¹ Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 61.